

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

Рецензия

**Pan-Islamic Connections: Transnational Networks
between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër.
Oxford University Press, 2017. 304 p.**

А.В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Book review

**Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017).
Pan-Islamic Connections: Transnational Networks
between South Asia and the Gulf. Oxford University Press, 304 p.**

A.V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Куприянов А.В. Рецензия: Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër. Oxford University Press, 2017. 304 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 728—730. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

For citation: Kupriyanov, A.V. (2019). Book review: Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017). Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf. Oxford University Press, 304 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 728—730. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-728-730

В европейской географической традиции принято делить зарубежную Азию на регионы: Ближний и Средний Восток, Южную, Юго-Восточную, Северо-Восточную, Восточную, Центральную, Среднюю, Переднюю и прочие Азии. Эти воображаемые регионы, как правило, либо накладываются друг на друга, либо друг друга дублируют. Это не случайно: Азия слишком велика и сложна, чтобы ее можно было безболезненно разрезать на части. Подобное дробление, тем не менее, неизбежно — именно в силу огромности этой части света; но оно искусственно разрывает азиатскую общность, вынуждая ученых

обращать внимание преимущественно на региональные процессы.

Тем ценнее работы, которые демонстрируют, что Азия при всем своем разнообразии культур и политических и религиозных традиций пронизана сложной системой взаимных связей. Они не всегда видны невооруженным глазом, но при этом оказывают важное влияние на политические процессы, происходящие на огромном пространстве от Тихого океана до Средиземного моря. Рецензируемая монография принадлежит к числу таких работ: авторы представленных в ней статей исследуют незримые нити, связывающие воедино

© Куприянов А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

две части исламского мира — Южную Азию и страны Персидского залива [Pan-Islamic Connections... 2017].

На протяжении почти тысячелетия — от момента появления в Южной Азии первых мусульман и до гибели державы Великих Моголов — на полуострове Индостан и в ряде окружающих районов формировался отдельный, уникальный центр мусульманской подсистемы международных отношений. Правители Индостана подчеркивали свою независимость от Мекки и Медины, претендуя порой на титул халифа и пытаясь сформировать свой, альтернативный, центр с собственными святыми — суфийскими шейхами, местами паломничества и богословской традицией. Этот центр был тесно связан с Персией, что позволяет ряду исследователей говорить о персидско-индийском исламе как об отдельном течении в рамках мусульманской религии. Однако последнее столетие ознаменовалось возрождением связей почти всех государств Южной Азии с монархиями Залива. Это произошло как по политическим и культурным, так и по экономическим причинам. Вместе с тем Иран — крупнейшая шиитская держава региона, — пройдя через ряд кризисов, постепенно укрепляет свое влияние в исламском мире, противостоя суннитским монархиям.

Монография разбита на 10 глав, каждая из которых посвящена отдельному вопросу в рамках общей темы.

Первая глава [Pan-Islamic Connections... 2017: 21—48], написанная одним из редакторов монографии, Кристофом Жаффрело, носит в основном исторический характер и посвящена изменению характера межрегионального взаимодействия после сипайского восстания 1857—1859 гг. и ликвидации империи Великих Моголов, а вместе с ней — и попыток создать альтернативный центр в рамках мусульманской подсистемы международных отношений. После этого многие мусульмане в поисках религиозной опоры обратили взоры на запад, к древнему центру ислама в Мекке и Медине. При этом, как демонстрирует К. Жаффрело, индийские богословы, перебравшиеся в Мекку, сохранили приверженность специфическому южно-азиатскому пониманию ислама, а в самой Индии уже после Первой мировой войны возникло движение за деарабизацию ислама. Ситуация не изменилась и после создания Пакистана: его идеологи видели в новосозданном государстве или альтернативный центр исламского мира, своего рода «Новую Медину», или образец

исламского государства нового типа в противовес монархиям Залива. Однако сейчас, по мнению автора, мы видим крушение этой идеи: укрепление политических и финансовых связей Пакистана с Саудовской Аравией, начавшееся в 1979 г., постепенно ведет к распространению ваххабитской идеологии и арабизации пакистанского ислама.

Каким именно образом это происходит, демонстрирует Айеша Сиддика, анализирующая систему патронажа Саудовской Аравии над пакистанскими медресе [Pan-Islamic Connections... 2017: 49—71]. Если до 1979 г. диалог между пакистанскими и саудовскими богословами велся с примерно равных позиций, то теперь мы наблюдаем процесс экспансии салафитской идеологии в Пакистане через медресе, тесно связанные с движениями деобанди и ахль-и-хадис, близкими к военным кругам. Пока саудовское влияние в Пакистане относительно невелико; но в будущем распространение салафитских идей может привести к трансформации всего пакистанского общества.

Один из таких примеров разбирает Самина Ямин в главе, посвященной распространению в Пакистане изначально саудовского нарратива «глобального джихада» [Pan-Islamic Connections... 2017: 73—90]. Его пропаганда ведется через сеть движения «Джамаат-уд-Дава», которое адаптирует его под пакистанские реалии, обеспечивая охват не только мужской, но и женской части населения. С. Ямин демонстрирует, как при помощи «Джамаат-уд-Дава» нарратив «глобального джихада» распространяется среди пакистанской диаспоры в странах Залива.

Три главы посвящены Афганистану. Вахид Браун описывает историю исламского эмирата Кунар — квазигосударственного образования, созданного в одноименной провинции в 1990—1991 гг. при поддержке Саудовской Аравии и павшего год спустя под ударами соперничающих группировок боевиков [Pan-Islamic Connections... 2017: 91—116]. В последнее время ученые на Западе уделяют Кунару пристальное внимание: он рассматривается как прообраз «Исламского государства», где были отработаны многие идеи, модели и методы, позже реализованные в Сирии и в Ираке. Донн Расслер анализирует источники финансирования сети Хаккани в период Афганской войны и механизмы (прежде всего, частные контакты и религиозные сети), при помощи которых осуществлялись контакты между Джалалудином Хаккани и его спонсорами в странах За-

лива — Саудовской Аравии и ОАЭ [Pan-Islamic Connections... 2017: 117—139]. Наконец, Антонио Джустоцци изучает вопрос финансирования «Талибана» после 11 сентября 2001 г.; по его данным, талибы получали деньги из Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара, причем наблюдалась определенная конкуренция между спонсорами боевиков. Пакистан в этой ситуации стремился удержать афганский мирный процесс под своим контролем, заинтересовав в нем в то же время Саудовскую Аравию и не оттолкнув от себя Иран [Pan-Islamic Connections... 2017: 141—154].

Аликс Филиппон исследует деятельность религиозных сетевых сообществ непосредственно суфийских братств, ведущих активную деятельность в пакистанских диаспорах стран Залива и способствующих формированию новых религиозных элит в самом Пакистане [Pan-Islamic Connections... 2017: 155—175]. Стефан Дудойон изучает использование Ираном в качестве инструмента «мягкой силы» суннитских сетей и приходит к выводу, что Исламская Республика, вопреки своей репутации основного шиитского центра, играет роль «крупного суннитского хаба» в регионе [Pan-Islamic Connections... 2017: 177—193]. Радхика Гупта, в свою очередь, анализирует соперничество иранских и южноиракских религиозных центров, пользующихся в среде индийских шиитов большим авторитетом и борющихся за влияние на индийскую молодежь, которая обучается в медресе [Pan-Islamic Connections... 2017: 195—215]. И наконец, Симон Вольфганг Фукс рассматривает процесс формирования антишиитского движения в Пакистане, демонстрируя, с одной стороны, взаимосвязь аргументов паки-

станских и саудовских богословов, а с другой — явную обособленность пакистанского антишиитского дискурса [Pan-Islamic Connections... 2017: 217—232].

Даже по этому краткому обзору видна широта охвата предмета. Исторические и региональные исследования, собранные под одной обложкой, не только помогают по-новому взглянуть на происходящие в странах Южной Азии и регионе Персидского залива события, но и содержат огромный массив информации, который может и должен быть использован при принятии стратегических решений в отношении дальнейшей политики России в этих регионах. Это тем более важно в условиях противостояния двух ядерных держав — Индии и Пакистана, постепенной трансформации внешней и внутренней политики Индии под руководством Нарендры Моди и нарастания в Пакистане саудовского и эмиратского влияния.

Единственное, что можно поставить составителям монографии в упрек — чрезмерную концентрацию на Пакистане и Афганистане, которым суммарно посвящено более двух третей сборника. Другие страны региона, такие как Индия и Иран, где проживает в сумме примерно четверть миллиона мусульман, удостоились лишь пары глав, а еще для двух мусульманских стран — Бангладеш и Мальдив, отношения которых со странами Залива представляют большой интерес для исследователя, — в книге вообще не нашлось места. Хочется надеяться, что это упущение будет устранено в новой монографии, подготовленной теми же редакторами-составителями.

Поступила в редакцию / Received: 08.09.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.09.2019

Библиографический список

Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf / Ed. by Ch. Jaffrelot, L. Louër. Oxford University Press, 2017.

References

Jaffrelot, Ch. & Louër, L. (Eds.). (2017). *Pan-Islamic Connections: Transnational Networks between South Asia and the Gulf*. Oxford University Press.

Сведения об авторе: *Куприянов Алексей Владимирович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru).

About the author: *Kupriyanov Alexey Vladimirovich* — PhD in History, Research Fellow of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation, Staff Member of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru)